

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2014

№ 4 (133)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2014

№ 4 (133)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
-
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
- Т. В. Куш**,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
- Е. П. Алексеев**,
канд. искусствоведения, доц.
- Ю. В. Матвеева**,
докт. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
- Н. В. Мосеева**
- Ответственные за направления
- История
- Н. Н. Баранов**,
докт. ист. наук, доц.
- Е. М. Главацкая**,
докт. ист. наук, доц.
- Ю. А. Русина**,
канд. ист. наук, доц.
- А. В. Шаманаев**,
канд. ист. наук, доц.
- Филология
- О. В. Зырянов**,
докт. филол. наук, проф.
- А. В. Маркин**,
канд. филол. наук, доц.
- А. М. Плотникова**,
докт. филол. наук, доц.
- Д. В. Спиридонов**,
канд. филол. наук, доц.
- Искусствоведение и культурология
- Л. А. Будрина**, канд.
искусствоведения, доц.
- Г. В. Гольнец**, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
- М. В. Капкан**, канд.
культурологии, доц.
- Л. С. Лихачева**, докт.
социол. наук, проф.
- Перевод на английский
- Т. С. Кузнецова**,
канд. филол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	8	<i>Тимофеев Д. В.</i> «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в.	123
ЛЕРМОНТОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ			
<i>Зырянов О. В.</i> Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М. Ю. Лер- монтова	10	ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Ермоленко С. И.</i> «Завещания» М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции	27	<i>Горемыкина М. В.</i> «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швед- ского дворянина» М. М. Щербатова и «Европейские письма» В. К. Кю- хельбекера в контексте русской просветительской утопии	137
<i>Первалова О. А.</i> Жанровые разновид- ности лермонтовских «молитв».....	39	<i>Гуревич О. А.</i> Ценности политические и нравственные в творчестве писа- теля Джованнино Гуарески.....	146
<i>Савинков С. В., Соколова Е. В.</i> «Тамань» М. Ю. Лермонтова: конфликт интер- претаций.....	46	<i>Васильева М. А.</i> Между небом и землей: об одном рождественском стихотворении Бориса Поплав- ского.....	154
<i>Овчинников А. Г.</i> Опыт эстетического самопознания личности в произве- дениях С. Кьеркегора и М. Лермон- това («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени»)	50	<i>Разувалова А. И.</i> «Оттепель» в Сибири: трансформации террито- риального мифа в советской прозе конца 1950-х гг. (на материале про- изведений В. Осипова и А. Кузнецова)	165
<i>Медведев А. А.</i> Феномен Лермонтова в эссеистике В. В. Розанова	59	<i>Зиятдинова Д. Д.</i> «Иаковский код» как способ репрезентации культур- ной модели еврейской националь- ной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха»	178
<i>Алексеева М. А.</i> Размышления по пово- ду «предъюбилейных» биографий М. Ю. Лермонтова	68	<i>Леонтьева Т. В.</i> Нормативно- регулятивные мотивы в русских обозначениях обычая.....	187
ИСТОРИЯ			
<i>Ганиев Р. Т.</i> Танский император Тай- цзун и восточные тюрки в 627–649 гг.	76	<i>Березович Е. Л.</i> О семантико- мотивационной реконструкции лексики	199
<i>Лебедева Г. Е., Мехмадиев Е. А.</i> Диакон Агапит и <i>Dialogus de scientia politica</i> : два концепта власти византийского василевса в VI в. (часть 2).....	86	<i>Спиридонов Д. В., Фофанова П. Ю.</i> Функционально-семантические особенности английского наречия <i>finally</i>	215
<i>Мохов А. С.</i> Аристократические кланы Малой Азии в 976–1025 гг.: Андро- ник Дука Лид и его сыновья	98		
<i>Высокова В. В.</i> «Спор о древних и новых» и становление историзма в британ- ской историографии XVIII в.	110		

УДК 94(100) + 34(100) + 32.001 + 1(09)

Г. Е. Лебедева
Е. А. Мехмадиев**ДИАКОН АГАПИТ И *DIALOGUS DE SCIENTIA POLITICA*:
ДВА КОНЦЕПТА ВЛАСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВАСИЛЕВСА В VI в.
(часть 2)**

Идея богоизбранного василевса, который обладает неограниченной властью на земле, проходит лейтмотивом через всю историю византийской политической мысли, но возникает закономерный вопрос — когда именно эта идея оформилась в полноценную политическую теорию, учение о механизме и функциях самого государства. На основе сравнительного анализа трех трактатов («Поучение» диакона Агапита, «Диалог о политической науке» и «О стратегии»), созданных в VI — первой трети VII вв., авторы прослеживают изменения в содержании тезиса о василевсе-самодержце, который наделен властью свыше и в этом подобен Богу. Следуя четкому критерию — политическая теория как учение о сущности и формах государства — авторы приходят к выводу, что в эпоху Юстиниана, вопреки распространенному в историографии мнению, в виде полноценной политической теории существовала только идея об ограничении власти императора системой традиционных римских магистратур. Все призывы диакона Агапита о небесном подобии и самодержавной власти Юстиниана, наоборот, можно рассматривать как чистую риторическую компиляцию, набор литературных штампов, без претензий на научное исследование. И только на рубеже VI–VII вв. эти риторические призывы получили полноценное научное оформление, аргументацию, превратились в целостную и системную политическую теорию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая теория; риторика; диакон Агапит; «Диалог о политической науке»; богоизбранный василевс; Юстиниан; сенаторы; христианство; греческая философия.

В первой части статьи мы рассмотрели содержание трактата, известного в науке под названием «Поучение» — это произведение, принадлежащее авторству Агапита, диакона церкви Св. Софии в Константинополе, посвящено византийскому императору Юстиниану I (527–565). Трактат Агапита дает читателю идеальный образ правителя-василевса, перечисляя те качества личности и принципы (моральные нормы) поведения, которые в понимании автора наиболее соответствовали долгу и положению императора. В связи с этим мы особо подчеркнули, что, на наш взгляд, понятие «политическая наука» в строгом смысле слова обозначает учение о государстве, раскрывает и отвечает на вопрос о происхождении и формах существования государственной власти, и с этих позиций мы пришли к выводу, что «Поучение» Агапита — не политический трактат, а только литературный памятник (панегирик).

Центральная мысль Агапита — тезис о богоизбранной и неограниченной власти императора Юстиниана, но этот образ нельзя считать научной теорией, учением о государстве, поскольку сам текст Агапита — чистая компиляция, риторический призыв-увещевание, в котором автор дает свой идеальный образ правителя-василевса. «Поучение» Агапита не содержит какой-либо научной аргументации, разъяснений и пояснений к высказанным тезисам (положениям), это — не более чем декларации, позаимствованные из сочинений других авторов.

Соответственно, мы пришли к выводу, что идея богоизбранной власти византийского василевса в эпоху Юстиниана еще не оформилась в полноценную политическую теорию, направленную на изучение, детальное исследование основ государственной власти и механизма функционирования государства в целом. Во второй части нашей работы мы рассмотрим два новых политических трактата («Диалог о политической науке» и «О стратегии») и в связи с этим попытаемся ответить на вопрос, когда идея богоподобной царской власти, основанной на принципах самодержавности (автократии), перешла из области риторики в область политической науки, стала полноценной частью учения о государстве.

2. «Диалог о политической науке»: «политология» эпохи Юстиниана

В 1827 г. хранитель Амброзианской библиотеки в Милане А. Май, впоследствии — один из кардиналов Святого Престола, опубликовал обширный греческий палимпсест, хранящийся в фондах Ватиканской библиотеки (Vat. gr. 1298). В рамках этой рукописи итальянский священник и филолог обнаружил предельно интересный текст, впервые и введенный им в научный оборот, а именно — анонимный и фрагментарно сохранившийся политический трактат *Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης* («О политической науке»). До нашего времени дошли только 4-я и 5-я книги этого произведения, и вплоть до 1900 г. исследователи практически не обращали внимание на столь важный источник, способный пролить свет на многие спорные вопросы ранневизантийской политической мысли.

В 1982 г. вышло в свет первое полноценное критическое издание трактата, подготовленное итальянским филологом Дж. Мадзукки, который добавил к прежнему тексту в редакции А. Мая несколько новых фрагментов, обнаруженных ученым в ходе длительных изысканий в рукописных фондах Ватиканской библиотеки. В 2002 г., дополнив комментарий и предисловие к тексту новыми данными, исследователь отметил, что трактат принадлежит авторству анонимного писателя эпохи императора Юстиниана, более того, Дж. Мадзукки отнес время составления «Диалога» к периоду 532–533 гг., т. е. к эпохе, во многом совпадающей с датировкой «Поучения» Агапита [DSP, р. XIII–XV]. Тем не менее следует подчеркнуть, что в исследованиях более ранних лет прослеживается тенденция к несколько иному решению поставленного вопроса — в частности, еще в 1925 г. В. Е. Вальденберг вслед за А. Маем, первоиздателем трактата, отождествил личность автора трактата с Петром Патрикием, историком, дипломатом и мыслителем эпохи Юстиниана, занимавшим пост магистра оффикия (начальника императорской канцелярии) [Valdenberg, р. 55]¹. Эта мысль настойчиво проходит лейтмотивом

¹ Подчеркнем, что в 2008 г. вышло в свет долгожданное издание книги В. Е. Вальденберга «История византийской политической литературы», подготовленное И. П. Медведевым и В. И. Земсковой. Несмотря на то, что сам текст этого фундаментального и энциклопедического исследования был написан еще в 1920-е гг., вплоть до 2008 г. монография В. Е. Вальденберга существовала только в виде рукописи и хранилась в фонде Петербургского филиала РАН. Несомненно, публикация столь важной книги, не потерявшей своей актуальности до сих пор, дает возможность для постановки новых вопросов, открывает простор для новых горизонтов исследования и расширяет границы научного поиска. В этом смысле интересно, что параграф, в котором В. Е. Вальденберг разбирает содержание «Диалога», в тексте совершенно четко фигурирует под заглавием «Петр Патрикий», что демонстрирует нам крайне высокую степень уверенности В. Е. Вальденберга в вопросе об авторстве трактата [см.: Вальденберг, с. 3].

через всю статью В. Вальденберга, но вслед за Дж. Мадзукки у нас возникают серьезные сомнения в правильности подобной идентификации.

Строго говоря, необходимо отметить, что само слово «диалог» в названии нашего трактата, условно принятое в исследовательской литературе, выглядит далеко не случайным и вполне верно отражает содержание данного источника — перед нами действительно полноценный диалог, текст, оформленный в виде беседы-рассуждения двух персонажей, патрикия Мены и референдария Фомы. Оба придворных чиновника предельно четко упоминаются в выписках грандиозной «Библиотеки» («Мириобиблиона») византийского патриарха Фотия (858–867 и 877–886 гг.), который сообщает, что он ознакомился с текстом некоего диалога, в котором участвовали те же персонажи — Мена патрикий и Фома референдарий: 'Ανεγνώσθε περὶ πολιτικῆς ὡς ἐν διαλόγῳ Μητῶν πατρίκιον καὶ Θωμᾶν ῥεφερενδάριον τα διαλεγόμενα εἰσάγον πρόσωπα («Прочитано о политической [науке], что в диалоге Мена патрикий и Фома референдарий есть лица, а представлен [в нем] разговор») (Photius, Bibl. cod. 37). Если о личности Фомы-референдария, кроме приведенной выше цитаты Фотия, нам ничего более не известно, то Мена-патрикий упоминается сразу в нескольких источниках, при этом самого разного жанра, что в целом дает возможность более детально проследить не только карьерный путь этого персонажа, но и выявить его реальную должность.

Дж. Мадзукки во введении к последнему переизданию «Диалога» цитирует ранее неизвестную греческую стихотворную эпиграмму, опубликованную незадолго до этого, в 2000 г., в итальянском антиковедческом журнале *Elenchos*. Сама эпиграмма содержится в греческой рукописи, хранящейся в фондах Национальной библиотеки Франции, и представляет собой, судя по всему, эпиграф или пролог к одной из утраченных книг «Диалога» [DSP, р. XVI]. Текст стихотворения выглядит следующим образом:

Таблица 1

Эпиграмма Мены

Πλάτων νομοθετεῖ ῥητορεύειν
ἐμφρόνως ὀρθῶ κανόνι
φιλοσοφίας κεχηρμένοις
Μητῶς δὲ κρείττων ἐξέλαμψε τῷ
βίῳ Περικλέους τοσοῦτον, ὅσον, πάνυ
σφόδρα, Ἀναξαγόρου Πλάτων. ὄν
εὐμενεὶ τύχη μέτρον ποιεῖτε
ῥητορικῆς εὐγλωττίας

Платон предписывает тем, кто уже пользуется истинным правилом философии, произносить речи разумно... Мена же еще больше блистал в жизни, чем Перикл, настолько, насколько, во всем совершенно, Платон превосходил Анаксагора. Его [т. е. Мены. — Г. Е., Е. М.] меру благосклонной судьбой творите в ораторском красноречии.

Как видим, персонаж по имени Мена в прямом смысле представлен в тексте как блистательный оратор, превосходящий свои мастерством других прославленных риториков, а автор эпиграммы, несомненно, в равной мере демонстрирует прекрасное и обстоятельное знакомство с классиками греческой философии, но в этом смысле важно другое — одноименный чиновник фигурирует в двух законодательных источниках, уточняющих правовой статус и должностной ранг интересующего нас персонажа. В одной из вводных конституций императора

Юстиниана, разъясняющих цель и мотивы грандиозной кодификации римского права, законодатель прямо обращается к «Мене, знатному мужу, префекту претория во второй раз, ранее — префекту этого благого города, и патрицию» (*Menae viro illustri praefecto praetorio II ex praefecto huius almae urbis ac patricio* [CJ, C. Summa, p. 2]).

В данном случае следует сказать, что указанный закон был издан 7 апреля 529 г. в качестве своеобразной преамбулы к публикации «Кодекса Юстиниана», собравшего воедино разрозненное и противоречивое императорское законодательство III–VI вв., и в этом смысле мы видим, что текст документа называет Мена «патриkiem» и наделяет его должностью префекта претория, подчеркивая, что ранее этот персонаж выполнял функции константинопольского префекта. Очевидно, успешно справившись с полномочиями главы восточноримской столицы, Мена получил повышение по службе и занял пост префекта претория, т. е. вторую после императора должность в гражданской иерархии империи.

Безусловно, уже в качестве главы гражданской администрации Мена получил от императора новую инструкцию, направленную на имя константинопольского Сената 29 декабря 534 г. Фактически этот закон был адресован коллегии наиболее влиятельных юристов и чиновников, способных классифицировать и систематизировать огромный правовой материал, собранный в «Кодексе», в связи с чем конституция подробно перечисляет имена тех персонажей, которые входили в состав кодификационной комиссии: *necessarium nobis... Menam insuper et Constantinum et Iohannem viros eloquentissimos* [выделено нами. — Г. Е., Е. М.] *togatos fori amplissimae sedis easdem constitutiones nostras decerpere* («нам необходимо... чтобы сверх этого Мена, Константин и Иоанн, мужи, в совершенстве красноречивые, облаченные в тогу, на форуме взяли от самого возвышенного престола те же наши законы») [CJ, C. Cordi, p. 4]. Примечательно, что последний из цитированных законов ранее просто не попадал в поле зрения исследователей — как ни странно, ни Дж. Мадзукки, ни В. Вальденберг не обратили внимание на столь важный источник, полностью проигнорировав представленные выше пассажи, более того, патрикий и префект Мена совершенно не упоминается даже в таком монументальном справочнике, как “Prosopography of the Late Roman Empire” («Просопография поздней Римской империи»).

Наоборот, учет сведений конституции 534 г., несомненно, позволяет рассматривать вопрос об авторстве и датировке трактата в совершенно новом ключе, а именно — как нам кажется, нет никаких оснований отрицать, что именно патрикий Мена — абсолютно реальный персонаж, засвидетельствованный в правовых документах — *был подлинным и полноценным автором* «Диалога о политической науке», в тексте которого он действительно упоминается почти во всех пассажах. Заметим, что и в эпиграмме, и в конституции особо выделяются риторические таланты Мены, его способность грамотно, красиво и ясно излагать свою мысль, и подобное совпадение, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует в пользу предложенной выше идентификации.

Следовательно, можно предположить, что время написания трактата падает на период от 529 до 534 гг., когда Мена был занят активной законотворческой деятельностью и в связи с этим участвовал в комиссии по кодификации

права — очевидно, трактат Мены можно считать своеобразным теоретическим обобщением накопленного ранее эмпирического материала, суммой размышлений и рекомендаций относительно наиболее лучшего и справедливого государственного устройства. В этом смысле сложно сказать, насколько справедлив тезис, высказанный в свое время К. Прехтером, что текст «Диалога» был составлен автором-христианином, находившимся под сильным влиянием неоплатонизма [Praechter, S. 630–632]² — как известно, в течение всей первой половины VI в. неоплатоническая философия, во многом близкая положениям христианской религии, была очень популярна среди византийской интеллектуальной элиты, поэтому вполне возможно, что Мена, прекрасно знавший риторику и греческую философию, мог отразить в своем трактате некоторые положения и идеи неоплатонизма.

В любом случае для нас предельно важна проблема содержания «Диалога» — вокруг каких сюжетов разворачивалась мысль автора, как текст трактата в идейном плане отличался от «Поучения» Агапита, можно ли найти в «Диалоге» подобное с Агапитом переплетение и даже органический синтез христианской и античной философской терминологии? Отвечая на эти вопросы, следует подчеркнуть, что между двумя источниками в большей степени прослеживаются именно элементы различия, но не сходства, поскольку через все повествование автора «Диалога» лейтмотивом проходит мысль об ограничении власти василевса другими органами (ветвями) власти, о необходимости сохранения законности правления, подчинения царской власти закону, в конечном итоге — о сбалансированном и согласованном взаимодействии нескольких органов государственного управления. Ниже в виде таблицы мы представили основные положения и идеи, высказанные в тексте трактата — как нам кажется, подобный способ изложения материала в более удобной форме позволит показать динамику мысли автора и провести сравнительный анализ различных глав его текста.

Таблица 2

*«Диалог о политической науке»:
тематика содержания и метод рассуждений автора*

Οὐκοῦν καὶ ἡμεῖς ἐπισκοποῦντες περὶ θεοῦ μιμήσεως, βασιλεία δὲ αὐτῆ [DSP, 5, p. 20]	Итак, и мы обращаем свой взор к подобию божества, а именно — к царской власти
Οὐκοῦν καὶ ἡμεῖς τὴν βασιλικὴν ζητοῦντες ἐπιστήμην, ἃ μὲν δυνατὰ λόγῳ εὐρεῖν, οἰησόμεθα ἐπιστημονικῶς εὐρηκέναι, ἃ δὲ μή, δόξῃ γοῦν ὀρθῇ τε καὶ λόγῳ ἐχούσῃ ἐξ αὐτῆς [DSP, 8, p. 21]	Итак, и мы исследуем царскую науку, и что можно найти разумом, то намереемся обнаружить по-научному, а что нет — хотя бы правильным мнением, имеющим и разум из самого себя
Οὐκοῦν ἐπὶ τούτοις τῶν μὲν νόμων... πρῶτος θετέος αὐτῆ ὑπ' αὐτῆς τῆ βασιλείᾳ τῆς ἐνόμου χάριν ἀναρρήσεως... ὡς προερρήθη, παρὰ θεοῦ τε διδομένην καὶ τῶν πολιτῶν δέξοιτο προσφερομένην [DSP, 17, p. 23]	Итак, после этого из законов... первое, что царской власти следует принять — о ней самой ради законного провозглашения... как было сказано ранее, она дана от Бога и, предложенная, принята гражданами

² Этот тезис находит активную поддержку и в современной литературе, см.: [O'Meara, p. 49–50, 57, 59; MacCoull, p. 310].

<p>δεύτερος περὶ τῆς τῶν ἀρίστων) συγκλήτου βουλῆς, τροφῆς τε αὐτῶν ἕνεκα καὶ παιδείας, τιμῆς τε καὶ τάξεως [DSP, 18, p. 23]</p>	<p>...второе — о совете собрания самых достойных, вследствие их воспитания и образования, знатности и ранга</p>
<p>Νόμιμον μὲν οἱ μαι... τὸ μηδένα πολιτῶν αὐτονομία χρώμενον... ἀλλ' ὑπὸ τῶν πολιτῶν προσαγομένην τε καὶ οἱ οὐ ἐπιτιθεμένην δέχεσθαι τὴν βασιλείαν, ἄχθος μὲν οἱ αὐτῷ τοιοῦνδε κατ' αὐτὸ καὶ λειτουργίαν οὐκ ἀνεύθυνον παρὰ γε τῇ θείᾳ δίκῃ ἴσως δὲ καὶ ἐν ἀνθρώποις δεικνυμένην ἠγούμενον, σωτηρίας δὲ μᾶλλον ἕνεκα τῶν πολιτῶν ὅμως καταδεχόμενον [DSP, 46–47, p. 29]</p>	<p>Мне кажется, что... гражданам нельзя пользоваться никаким самоуправлением... но следует принять только предложенную и возложенную гражданами царскую власть, они же на него [т. е. на царя. — Г. Е., Е. М.] возлагают такое бремя и сообразно с этим службу не безотчетную, ведь в равной мере перед лицом наказания божьего и человеческого явлен он предводителем, но все же больше принят он ради блага [= спасения. — Г. Л., Е. М.] граждан</p>
<p>εἶ γὰρ τὴν βασιλείαν ὠρίσατο Πλάτων μὲν οὐ τῷ ἔχοντι, ἀλλὰ τοῖς ἀρχόμενοις εἶναι συμφέρον, Κικέρων δὲ τοῦ ἔχοντος ἴδιον μὲν πόνο(ν) ἀλλοτρίας δὲ φροντίδα σωτηρίας [DSP, 48, p. 29–30]</p>	<p>Платон хорошо определил, что царская власть есть польза не для того, кто ею обладает, но для подданных, а Цицерон — что собственная боль того, кто ею обладает, есть забота о чужом благе [= спасении. — Г. Л., Е. М.]</p>
<p>Τῶν τῆς πόλεως πάντων... ταγμάτων οἱ πρωτεύοντες τρεῖς ἀμέλει καθ' ἕκαστον ὀνομαζόντων οὓς ἐκ τῶν ἀρίστων ἕκαστοι τῆς βασιλείας ἀξίους ἂν οἰηθείεν... μεθ' οὓς κλήρων ἐπὶ τοῖς ὀνομασμένοις παρὰ τοῖς ἱερεῦσιν ἐν ἱεροῖς οἴκοις... γιγνομένων... ἐφ' ὃν ἂν ἔλθοι ὁ κλήρος, ὧς τε δῶν θεός, ἔστω βασιλεύς [DSP, 50–51, p. 30]</p>	<p>Непреренно, три главы всех сословий города, каждый поочередно, называют тех из самых достойных, кто, как им кажется, заслуживает царской власти... после этого священники в храмах на тех, кто назван... кидают жребий... и на кого падет жребий, тому и дает [власть] Бог, тот пусть и будет царем</p>
<p>οὕτω γὰρ καὶ τοῖς πολίταις μετεῖη τῶν κοινῶν τε καὶ δικαίων καὶ τῷ θεῷ νέμοιτο τὸ πρόσφορον, παρ' αὐτοῦ τε διδομένη ἢ βασιλεία δοθείη καὶ ἡ τοῦ βασιλέως ἀνάρρησις νομίμως γίγνοιτο [DSP, 52, p. 30]</p>	<p>Так ведь и среди граждан, обычных и справедливых, он [василевс. — Г. Л., Е. М.] пребывает, и Богом признан как подходящий, от него же [т. е. от Бога. — Г. Л., Е. М.] он получает царскую власть, [от него же] было бы дано и провозглашение царя, чтобы проводилось оно законно</p>
<p>ἡ γὰρ τοι βασιλικὴ προμήθεια μόνας τὰς συνεκτικὰς ἀρχὰς τε καὶ πρῶτας αἰτίας τῶν πολιτικῶν πραγμάτων ἐκ τῶν ἐνόντων αὐτῇ βασιλικῶν λόγων μορφουμένης, τῇ τοῦ δημιουργοῦ, ὡς οἶόν τε, μιμήσει ἔχοντος ἐν ἑαυτῷ τοὺς τοῦ παντὸς λόγους, εἶ τιθεῖσα καὶ κοσμοῦσα διατελείτω αἰεὶ [DSP, 58, p. 31]</p>	<p>В самом деле, действительно, царская предусмотрительность пусть всегда одни только основные власти и первые причины политических дел, создаваемые из содержащихся в ней самой царских рассуждений, хорошо обустроивая и украшая, выполняет, так как только в себе самой обладает она подражанием творцу во всех мыслях</p>
<p>Τὸν δὴ τρόπον τοῦτον... εὐρῶν ὁ κατὰ Πλάτωνα βασιλεύων φιλοσόφως (καὶ) φιλοσοφῶν βασιλικῶς... ἦν δὲ μή, οὐκ ὄντως ἂν εἶη βασιλεύς, ὄνομα δὲ μόνον ἄλλως κενόν [DSP, 123, p. 45]</p>	<p>Этот образ... по Платону находит тот, кто царствует по-философски и философствует по-царски... если же нет, то он есть не царь, а только пустое имя</p>

Из представленных выше пассажей, как нам кажется, следует выделить несколько наиболее важных идей автора: 1) власть василевса не только ограничена законом, он должен делить ее с советом так называемых «самых достойных», которые принимают полноценные государственные решения наравне с императором; 2) с другой стороны, власть василевса есть подобие Богу, но само подобие заключается в благодеянии, в заботе об общем благе подданных, и смысл высшей власти состоит в процветании подданных, роль василевса рассматривается как общественная должность, повинность («литургия»), наделенная определенными *обязательствами* перед гражданами; 3) наконец, самое главное — автор мыслит граждан, по крайней мере, население Константинополя, как политически активную силу, имеющую право аккламации — торжественного одобрения вновь избранного императора.

При этом интересно, что трактат в лице одного из его персонажей, Мены, совершенно четко и продуманно предлагает провести радикальную реформу системы престолонаследия — главы всех городских «сословий» (судя по всему, профессий, социальных групп общества) должны были назначить кандидатов на царский престол, а уже священники путем жребия выбирали из предложенных кандидатур того, кто и будет облачен в царскую мантию. В целом следует согласиться с позицией ряда исследователей (Дж. Фьяккадори, Р. Досталова, А. Фотиу), отождествивших модель государственного устройства, представленную в трактате, с так называемой «смешанной конституцией» — политическим режимом, при котором в обществе на равных правах действуют и функционируют три вида власти — монархическая в лице василевса, аристократическая в форме собрания «самых достойных», т. е. сенаторов (соответственно, совет *ἄριστοι*, о которых неоднократно говорит автор, вполне верно рассматривается как константинопольский Сенат), и, наконец, демократическая в виде «народного» голосования и публичной аккламации (провозглашения) императора [Fotiou, p. 533, 535, 536–537; Fiaccadori, p. 135–136, 141; Dostálová, S. 36, 47].

В этой «смешанной конституции» все три вида власти органично переплетены и связаны друг с другом, что, по мысли автора трактата, действительно может обеспечить «систему сдержек и противовесов», равномерное распределение полномочий между каждым из органов управления — по сути, идея «баланса сил» преимущественно направлена против произвола царской власти, и, как видно из цитированных выше фрагментов «Диалога», ставит во главу угла именно Сенат как высший орган власти, именно те законы и решения, которые сенаторы (*ἄριστοι*) принимают большинством голосов.

Столь явная оценка Сената как представительного института, выполняющего функции законодательной власти и прямо противопоставленного своеволию императора, заставляет нас вслед за названными выше исследователями отнести трактат «Диалог о политической науке» к жанру полемических произведений антиимператорской критики, основанных на идее ограничения власти василевса системой традиционных римских магистратур, где сам венценосец — не более чем одна из этих магистратур (должностей), даже несмотря на пассажи о богоизбранном характере царской власти. Но важен и другой аспект — сама методика

рассуждений автора, логика развития его мысли предполагает более сложную «технологию» знания, чем в «Почении» Агапита.

Если в лице Агапита мы имеем перед собой чистую компиляцию, набор риторических суждений, не содержащих какой-либо строгой политической основы, то материал, изложенный в «Диалоге», предстает перед нами как полноценное научное исследование, «политологический» трактат. Это самостоятельное и независимое произведение автора, который творчески перерабатывает и осмысляет наследие всей предшествующей политической мысли (Платон, Аристотель, Цицерон), при этом идеи «классиков» не заслоняют собой собственный, новаторский подход автора. Патрикий и префект претория Мена (как нам кажется, именно он, а не Петр Патрикий составил текст «Диалога») доказывал каждую свою мысль, прямо заявлял о необходимости научного рассмотрения, анализа всех составляющих политического процесса, и в этом смысле можно прийти к вполне логичному выводу, что в 529–534 гг., равно как и в последующую эпоху правления Юстиниана, в виде строгой политической науки была оформлена только мысль об *ограничении* власти императора, тогда как тезис о его абсолютной, произвольной и самодержавной власти еще продолжал высказываться в рамках литературно-риторических пассажей, без видимых претензий на научную *обоснованность* и *доказанность*.

3. Богоизбранность в научном контексте: трактат «О стратегии» и поворот конца VI в.

В 1855 г. немецкие филологи Г. Кехли и В. Рюстов опубликовали фрагментарный греческий текст, прочитанный ими по рукописи XV в. *Codex Parisinus graecus 2522* — этот текст представлял собой совокупность рассуждений неизвестного автора о тактике и стратегии, о лучших приемах ведения боя и построения войска. Поскольку начальный лист рукописи, содержащий подлинное название и имя автора, ко времени публикации памятника был утерян, издатели условно обозначили трактат как «Византийский Аноним» или *De Re Strategica*, датировав текст эпохой Юстиниана, с преимущественным вниманием в сторону более поздней фазы его правления, а именно — 534–565 гг.³

Предложенные аргументы сохраняли свою значимость вплоть до 1985 г., когда вышло в свет новое издание трактата, подготовленное Дж. Деннисом на основе сличения сразу нескольких рукописей, сохранивших в своем содержании текст источника, при этом одна из рукописей — так называемый *Codex Mediceo-Laurentianus graecus 55, 4* — по времени составления восходит к эпохе императора Константина Багрянородного (945–959) и тем самым непосредственно отражает аутентичную, самую древнюю рукописную традицию памятника [De Re Strat., p. 4–5].

Именно разнообразие рукописной традиции породило в относительно новой исследовательской литературе ряд противоречивых оценок относительно личности автора и времени написания трактата. Если К. Цукерман в своей

³ См. более подробно разбор позиции Г. Кехли и В. Рюстова в новом критическом издании Дж. Денниса [De Re Strat., p. 3].

магистерской диссертации отождествил личность «Византийского Анонима» с Сирианом Магистром — полководцем, написавшим труд об искусстве морского боя и неоднократно упоминаемым в «Эксерптах» (грандиозной энциклопедии) Константина Багрянородного — и в конечном итоге отнес время составления памятника к рубежу VI–VII вв. [Zuckerman, p. 210, 216], то в работах последующих лет (главным образом, пространная статья Ф. Рэнса) настойчиво выдвигается тезис об «Анониме» как авторе рубежа IX–X вв., более точно — 895–908 гг. [Rance, p. 707; Baldwin, p. 292–293].

Аргументы, приведенные Ф. Рэнсом в пользу своей гипотезы:

1. Упоминание в трактате формы Ἀραβες в качестве обозначения арабских племен, беспокоивших своими набегами византийские границы на Ближнем Востоке. По мнению исследователя, наименование Ἀραβες решительно не встречается в произведениях греческих авторов вплоть до конца IX в., обремененного ожесточенным византийско-арабским противостоянием;

2. Текст «Анонима» проявляет большое внимание к проблемам морского сражения и правилам ведения морских кампаний, демонстрирует четкий интерес к использованию флота как мощной военной силы — подобные рассуждения, как полагает Ф. Рэнс, были крайне редки для литературы VI–VII вв., изображавшей византийско-персидские войны как исключительно сухопутные боевые операции [Rance, p. 713–714].

Мы намеренно ограничились только этими двумя аргументами, поскольку из всех остальных тезисов они, как нам кажется, заслуживают наибольшего внимания, но даже приведенные выше рассуждения Ф. Рэнса нуждаются в серьезной переоценке и корректировке. Прежде всего, совершенно неубедительно звучит тезис о наименовании Ἀραβες в византийских источниках — в несколько иной форме этноним Ἀράβιοι упоминается в 5-м письме Синезия Киренского, епископа г. Птолемиада в римской провинции Киренаика (восточный берег современной Ливии), которое Д. Роке датировал 407 г.⁴: συμπλέουσι δὲ ἡμῖν Ἀράβιοι συχνοὶ («с нами плывут многочисленные арабы») (Ep. 5, lines 111–113).

Безотносительно к отдельным деталям и нюансам хронологии писем Синезия, можно совершенно точно утверждать, что корреспонденция епископа отражает период до 414 г., когда Синезий ушел в мир иной [см. PLRE, vol. 2, Synesius 1, p. 1049], соответственно, вопреки однозначной уверенности Ф. Рэнса в том, что до IX в. в греческих текстах для обозначения арабских племен использовалось слово Σαρακηνοί («Сарацины»), мы можем сделать вывод, что форма Ἀράβιοι и ее вариант Ἀραβες встречаются в лексиконе восточноримских (византийских) авторов уже начиная с рубежа IV–V вв.

Значительные сомнения вызывает и тезис о соотношении морских и сухопутных кампаний в повествовании «Анонима» — рассказывая о различных приемах военного искусства, неизвестный автор подкрепляет значимость своих сведений небольшой ремаркой — τοῦτο δ' ἐποίησεν καὶ Βελισάριος («это делал и Велисарий») [De Re Strat. 33, line 35, p. 104]. Как известно, прославленный византийский полководец Велисарий, одержавший для императора Юстиниана блистательные

⁴ См. хронологическую таблицу, опубликованную в приложении к книге Д. Роке [Roques, p. 452].

победы над вандалами в Северной Африке (530–533), готами Витигиса в Италии и на Сицилии (540 г.) и, наконец, над персами царя Хосрова I в Сирии (544 г.), а также подавивший восстание «Ника» в Константинополе (532 г.), умер в 565 г., но активный период его полководческой деятельности завершился еще в 548/549 г., когда, потерпев ряд крупных поражений в Италии в ходе новой и неудачной кампании против готов, он был отправлен в отставку. Следовательно, мы можем рассматривать 548 г. в качестве условного *terminus post quem* для датировки трактата, поскольку и сам глагол ἐποίησεν употреблен в прошедшем времени, что предполагает время создания текста только после отстранения Велисария от военного командования.

Но к рубежу IX–X вв., когда, как полагает Ф. Рэнс, был написан «Византийский Аноним», византийская военно-теоретическая мысль могла привести в пример и деятельность других полководцев, которые своими решительными победами подтвердили славу империи Ромеев не меньше, чем Велисарий — в этом смысле достаточно упомянуть одного только императора Ираклия (610–641), успешно отбивавшего атаки персов, аваров и арабов в течение всего времени своего правления. Но автор «Анонима» по какой-то причине обратился именно к примеру Велисария, более того — в рамках текста источника это единственный персонаж позднеантичной эпохи, названный по имени, во всех остальных случаях «Аноним» говорит только о героях классического античного прошлого, в основном — эпохи греко-персидских войн. Более того, применительно к арабской кавалерии, в течение VII–IX вв. наносившей Ромеям сокрушительные удары, в тексте «Анонима» можно найти только одну небольшую фразу, резко контрастирующую с общей картиной византийско-арабского противостояния.

Как отмечает автор, Τὰς ἐνέδρας ποιοῦσι μὲν καὶ οἱ σήμερον Ῥωμαῖοί τε καὶ Ἄραβες καὶ πολλὰ τῶν ἔθνῶν οὐ μὴν, ὡς γέ μοι δοκεῖ, συμφερόντως αὐτοῖς («Набеги сегодня делают римляне, арабы и множество народов, но, как мне кажется, без пользы для них») [De Re Strat. 40, lines 3–4, p. 118]. Исходя из этой фразы, можно заключить, что, скорее всего, текст трактата отразил состояние до 632 г., когда войска Арабского халифата, прорвав сирийскую границу, начали свой разрушительный и безостановочный натиск на земли византийских провинций — в этом смысле ясно, что арабы, фигурирующие в цитированном пассаже, представляли собой не армию централизованного и объединенного государства, но только разрозненные и многочисленные отдельные племена, время от времени совершавшие грабительские рейды на всем протяжении ближневосточного лимеса. Именно поэтому, как нам кажется, датировка «Анонима» условно падает на конец VI — начало VII вв., в наиболее общем плане — период 548–632 гг.

Следовательно, если текст нашего источника отражает вторую половину VI — первую треть VII вв., важно, как нам кажется, обратить внимание на политические идеи, которые неизвестный автор высказал в начальных главах своего произведения. Мы полагаем, что эти идеи в полной мере демонстрируют изменения в политической философии Византии, произошедшие после смерти Юстиниана. Ниже мы вновь представили основные тезисы автора, касающиеся государственного устройства, в виде сравнительной таблицы.

Трактат De Re Strategica и его политические идеалы

Τὸ δὲ συμβουλευτικὸν διὰ τὸ συμφέρον. τὸ γὰρ ὑπὸ πλείονων ἀνερευνόμενον ἐτοιμότερον εἰς κατάληψιν [De Re Strat. 2. 14–15, p. 12]	Совещательная [часть думает] о пользе. Ведь то, что разобрано большим числом людей, более готово к восприятию
Τοὺς δὲ συμβούλους εἶ ναι χρῆ γοίμους τοῖς ἐνθυμήμασι καὶ διακριτικοῖς τοῦ συμφέροντος [De Re Strat. 3. 18–19, p. 14]	Полезно, чтобы советники были способны к рассуждениям и различению пользы
μήτ' ἄλλαις φροντίσι συνεχομένους καταδαπανᾶν τῆν ἐν τοῖς λογισμοῖς δύναμιν [De Re Strat. 3. 24–25, p. 14]	...ничем иным себя не занимают, употре- бляя силу на рассуждения

Из представленных пассажей, как нам кажется, ясно, что речь идет о такой части (μέρη, как выражается сам автор) государственного устройства (πολιτεία в терминологии нашего трактата, на деле — государственного механизма, системы организации и взаимодействия различных органов власти), как Сенат («совещательная часть» общества). Как видим, роль этого политического института в понимании автора наделена крайне незначительными функциями, совершенно отличными от тех, о которых говорил Мена в своем «Диалоге». Если Мена четко различает и отделяет чиновников (ἄρχοντες) от «самых достойных» (ἄριστοι), т. е. представителей сенаторской аристократии, последовательно разграничивая сферы их полномочий, то автор De Re Strategica прямо заносит «совещательную часть» (Сенат) и сенаторов в разряд тех же ἄρχοντες — об этом свидетельствует композиционная структура трактата, третья глава которого, озаглавленная как «О чиновниках» (Περὶ ἀρχόντων), включает в себя и рассуждения о значимости и роли «совещательной части» в жизни общества.

Более того, титул и содержание 3-й главы подсказывают и другой вывод — в отличие от «Диалога», «Византийский Аноним» ограничивает функции Сената исключительно законосовещательной, но не законодательной ролью, т. е. в картине, обрисованной «Анонимом», Сенат явно не делит с василевсом права управления государством на равных основах, высшая власть принадлежит только венценосцу. В мировоззрении нашего автора сенаторы прямо отнесены к одной из разновидностей чиновничества, имперской бюрократии, всегда послушной и беспрекословно выполнявшей волю василевса. Император, несомненно, может прислушаться к мнению почтенных patres conscripti (в этом смысле характерны следующие фразы, доказывающие именно сенаторский статус данных «советников» — εἶναι δὲ τὴν ἡλικίαν γηραιούς, “βουλὴ καὶ μῦθος τὸ γέρας ἐστὶ γερόντων”, ἢ καὶ πρὸς γῆρας ὀρώντας («[Должны они] быть преклонного возраста, “ведь совет и слово есть честь старых людей”, или обратившими взор к старости»)) [De Re Strat. 3, lines 25–27, p. 14]), но это зависит исключительно от его собственных предпочтений, желания или нежелания в каждый конкретный момент. Сенаторы же, по мысли «Анонима», не вправе вмешиваться в область активного управления, их прерогатива — только совет и наставление василевсу, но не более.

Все представленные выше соображения и аргументы подводят нас к итоговой оценке — поскольку в тексте «Анонима» все рассуждения автора носят детальный

политологический характер, ставят своей целью показать механизм функционирования государства, его внутреннюю структуру, рассматривают соотношение отдельных ветвей власти, мы можем отнести трактат *De Re Strategica* к разряду полноценных научных исследований, подобных тому, что представил в своем «Диалоге» Мена-патриций, только в совершенно противоположном ракурсе, с доказательством идеи неограниченности царской власти. Следовательно, как мы полагаем, образ и понятие богоизбранного императора, наделенного своей властью свыше и не обязанного считаться с каким-либо другим органом власти в силу своего сакрального положения, оформились в виде полноценной научной теории только на рубеже VI–VII вв., не раньше, тогда как в эпоху Юстиниана эта идея еще пребывала в области риторических рассуждений и декламаций, лишенных какой-либо строгой научной аргументации.

Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / подгот. изд. В. И. Земсковой ; науч. консультант И. П. Медведев. СПб., 2008. 536 с. [Val'denberg V. E. Istorija vizantijskoj političeskoj literatury v svjazi s istoriej filosofskih tečenij i zakonodatel'stva / podgot. izd. V. I. Zemskovoj ; nauch. konsult'ant I. P. Medvedev. SPb., 2008. 536 s.]

Baldwin B. On the Date of the Anonymous ΠΕΡΙ ΣΤΡΑΤΗΓΙΚΗΣ // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 81. Hft. 2. 1988. P. 290–293.

CJ — *Corpus iuris civilis*. Vol. II : *Codex Iustinianus* / rec. P. Krueger. Berolini, 1906.

De Re Strat. [*De Re Strategica*] — Three Byzantine Military treatises / ed. by G. T. Dennis. Washington, D.C., 1985. 380 p.

Dostálová R. Soziale Spannungen des 5./6. Jh. in Byzanz im Spiegel des Anonymen Dialogus Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *Volk und Herrschaft im frühen Byzanz. Methodische und quellenkritische Probleme* / hrsg. von Fr. Winkelmann. Berlin, 1991. S. 33–48.

DSP — *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus* / ed. C. M. Mazzucchi. Milano, 2002. 161 p.

Fiaccadori G. Intorno all'anonimo Vaticano Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *La Parola del Passato*. Vol. 185. 1979. P. 127–147.

Fotiou A. S. Dicaearchus and the mixed constitution in sixth century Byzantium. New Evidence from a treatise «On Political Science» // *Byzantion*. Vol. 51. Fasc. 2. 1981. P. 533–547.

MacCoull L. S. B. Menas and Thomas: Notes on the *Dialogus de scientia politica* // *Greek, Roman and Byzantine studies*. Vol. 46. 2006. P. 301–313.

O'Meara D. The Justinianic Dialogue «On Political Science» and its Neoplatonic Sources // *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources* / ed. by K. Ierodiakonou. Oxford, 2004. P. 49–62.

Praechter K. Zum Maischen Anonymus περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 9. Hft. 2. 1900. S. 621–632.

PRLE — *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 : A. D. 395–527. Cambridge, 1980.

Rance Ph. The Date of the Military Compendium of Syrianus Magister (formerly the Sixth-Century Anonymus Byzantinus) // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 100. Hft. 2. 2007. P. 701–737.

Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris, 1987. 492 p.

Valdenberg V. Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice // *Byzantion*. Vol. 2. 1925. P. 55–76.

Zuckerman C. The Military Compendium of Syrianus Magister // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 40. 1990. P. 209–224.

Статья поступила в редакцию 29.03.2014 г.